

УДК 81(035.3)

А. В. Вдовиченко

Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва К-9, 125009, Россия
E-mail: an1vdo@mail.ru

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ГЕНЕРАТИВНОЙ МОДЕЛИ Н. ХОМСКОГО: КОММУНИКАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ПОЛВЕКА СПУСТЯ

В статье рассматриваются некоторые черты генеративной грамматики Н. Хомского, обнаруживающей ряд признаков античной модели описания вербальных фактов. Их объединяет спонтанное признание прямой корреляции «знак–значение», что ведет к конструированию предметной системы слов как инструмента для «выражения мысли». Хомский привлек внимание к когнитивной «глубине» вербального факта и приблизился к синтаксису как источнику смыслообразования. Однако «глубина» не стала личным когнитивным процессом, а синтаксис – личным параметризацией коммуникативного пространства. Коммуникативная модель, приходящая на смену античной, предполагает понимание речевого факта как коммуникативного действия и, соответственно, признание несамостоятельности предметных единиц различных уровней, взятых вне лично мыслимого вербального действия.

Ключевые слова: модель описания естественных вербальных фактов, генеративная лингвистика Хомского, предметность описания, прямая корреляция «знак–значение», личное параметрирование коммуникации.

К середине XX в., т. е. ко времени Н. Хомского, структурализм как исследовательский метод в значительной мере исчерпал свой эвристический потенциал. Базовые принципы структуралистской модели описания лингвистических фактов стали последним и крайним выражением античных языковедческих установок, а именно: 1) предметность в понимании феноменов «языка»; 2) количественный (логико-математический) подход к анализу феноменов «языка»; 3) системность предметного элемента «языка». Верным симптомом кризиса можно считать сформулированное в рамках американского дескриптивизма презрение к «ментализму», т. е. декларация возможности (и даже необходимости) рассуждать о «языке» *вне категории смысла*.

Методологические причины такой установки вполне понятны: смысл и вся палитра выражаемых значений явно не умещались в выделяемых формальных элементах «языка». Видимый предметный материал не мог вместить всей многообразной «семантики», которую, казалось бы, должен был иметь, если она, семантика, согласно античной модели «знак – значение», этим материалом

выражается. Поэтому все попытки истолкования смыслообразования при сохранении античного предметного взгляда на «язык» могли сводиться лишь к казуистическому оправданию априорной ошибочной схемы, т. е. к пущему дроблению вербальной предметности на значимые отрезки и к умножению предметно-ориентированной номенклатуры понятий. На этом пути был возможен анализ, но результаты синтеза, т. е. приложения элементов и категорий, полученных в результате анализа, снова к речемыслительной реальности, все более удручали. В конце концов, угнетение «ментализма» в русле дескриптивных исследований с очевидностью означило поражение предметно-ориентированного метода, изобличило полную неспособность античной структуралистской схемы моделировать естественный речемыслительный процесс и его составляющие.

Не удивительно, что подтвердить недееспособность структуральной модели взяли на себя труд многие исследователи. Реакция Хомского была наиболее заметной. Ему удалось несколько продвинуться в преодолении одной из традиционных aberrаций –

привлечь внимание к процессам, которые локализованы в сознании говорящих-слушающих, а не в вербальной форме самой по себе. Кроме того, он попытался в некоторой степени оторвать языковое исследование от отдельного слова и привлечь внимание к синтаксису. Однако парадоксальным образом Хомскому при этом удалось полностью сохранить магистральные направления прежней предметной парадигмы, и это сочетание определило общую конструкцию его генеративной модели. Несмотря на то, что учение Хомского претерпевало «трансформации» во времени, несколько наиболее важных «мыслимых подлежащих» исследователя, или генетических черт его теоретической установки, оставались нерушимыми при всех уточнениях и вариантах генеративной модели.

Прежде всего, речь идет о «языке», понимаемом как механизм порождения «синтаксически правильных цепочек» [т. е. предложений] из «минимальных синтаксически функционирующих единиц (формативов) [т. е. в основном слов и словоформ]», — о «языке», который Хомский пытался обнаружить уже не в области чистой платоновской абстракции, а в сознании идеального носителя. На этом пути сам материал «естественного языка» вполне закономерно был осознан как первое и главное препятствие теории — он явно не производил впечатления необходимого предметного единообразия, которое с очевидностью свидетельствовало бы о стройности механизма. Поэтому Хомский сразу был вынужден повторить процедуру, уже известную из опытов де Соссюра, а именно — создать искусственный объект исследования, т. е. главный плацдарм своей объяснительной теории.

«Мы проводим фундаментальное различие между *компетенцией* (знанием своего языка говорящим-слушающим) и *употреблением* (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию. Запись естественной речи показывает, сколь многочисленны в ней обмолвки, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т. п.» [Хомский, 1999а. С. 9–10].

Таким образом, по примеру соссюровской оппозиции «язык — речь» возникает

оппозиция «компетенция — употребление», спровоцированная теми же теоретическими затруднениями: естественный лингвистический материал в его жизненной нередуцированной форме был весьма неудобен для античного исследовательского инструментария, которым продолжал оперировать исследователь. Так, если считать (как это делали со времен первых опытов лингвистического описания), что понимание между говорящими достигается благодаря единству языкового механизма и единству значений слов (в чем и состоит до сих пор не преодоленная платоновская схема), то как же быть, например, с постоянной «неправильностью» обыденной речи — как неправильная речь порождается и понимается в тождестве? Ясно, что естественный языковой материал нужно преодолеть, исключив из разряда достойных описания объектов, и на его место поместить объект, более удобный для имеющихся теоретических инструментов. Характерно, что в построении Хомского речь идет именно о «языковой» компетенции, которая обеспечивает понимание, т. е. в сущности о том же «словесном языке», который известен идеальному среднестатистическому носителю от стоиков до Соссюра. Так, если осмыслять реальную ситуацию в рамках понятий «языка» и «языковой компетенции», получается, что идеальный носитель, сталкиваясь с фактами нарушения идеального строя языка, все время достраивает порождаемую и слышимую речь до ее словесно правильного образа, и этот достроенный звучащий словесный образ дает возможность слушающему понять говорящего, а говорящему (который сам и произнес грамматическую неправильность) — по-видимому, понять самого себя. Мысль о том, что в любой коммуникативной ситуации понимаются не произнесенные «самозначащие» слова, а действия коммуниканта, которые имеют в конечном счете невербальные основания и которые вводят бессмысленные (и зачастую «неправильные») слова в осмысленные рамки и придают им значения, — эта мысль была совершенно не антична по духу и соответственно не умещалась в тех традиционных схемах, которыми пользовался Хомский. Поэтому «языковая компетенция» стала новой версией идеального лингвистического объекта, не присутствующего в реальности, но удобного для изучения.

Кроме того, «язык» имеет у Хомского (в более ранней версии генеративной модели, а именно в «Синтаксических структурах») и другое определение: «Под языком мы будем понимать множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов. Все естественные языки в их письменной или устной форме являются языками в указанном смысле...» [Хомский, 1999б. С. 27]. А также: «Язык определяется путем задания его “алфавита” (т. е. конечного множества символов, из которых строятся его предложения) и его грамматически правильных предложений» [Там же. С. 36].

Если в первом определении «языка» речь идет о *механизме* порождения, то это определение, в свою очередь, имеет в виду самостроительный материал и результат действия механизма, т. е. *предметный элемент* языка – «правильные предложения» конкретного «языка L». Здесь, в свою очередь, обнаруживается другая традиционная абстракция языковой теории, а именно признание того, что языковой материал предметен, как набор формально определенных объектов (в данном случае – предложений). Бесконечность таких предметно-представленных предложений, создаваемых на каком-то языке, была констатирована еще В. фон Гумбольдтом. Соответственно, Хомский, воспринявший эту идею, был вынужден и здесь обратиться к редуцированию так понимаемого материала, поскольку описание *бесконечного* разнообразия не могло быть предпринято никакой грамматикой. Вполне естественно, что для *понимания* констатированной бесконечности понадобился набор каких-то конечных средств. Именно в этой теоретической ситуации проявились всецело предметные основания языковой схемы Хомского: эти конечные средства он находит в самих лингвистических структурах, а не за их пределами, т. е. в самом предметном материале речемыслительного процесса. Другими словами, исповедуя античный принцип «знак – значение», Хомский обнаруживает механизмы смыслообразования в самих знаках, оставаясь, таким образом, при античных кубиках и пазлах. Даже в той ситуации, когда в поле зрения исследователя попадает то, что не выражено в слове, но явно присутствует в сознании говорящего и слушающего, Хомский, вместо того, чтобы

признать факт неавтономности и несамостоятельности вербальной структуры, формулирует понятие так называемой пустой категории, которая занимает место в представляемом словесном предложении и которую «сознание видит в процессе вычисления структуры предложения». Ясно, что, по мнению Хомского, понимаются слова и их значения, а если для интерпретации языкового материала слов не хватает, то вводятся домысливаемые слова (пустые категории): «Ребенок, изучающий язык, не имеет никаких указаний на их существование, потому что они не произносятся. Однако похоже, что языковая способность ребенка включает достаточно точные сведения об их свойствах. Сознание ребенка помещает эти пустые категории туда, где они должны быть, используя при этом принцип проекции, а потом определяет их свойства, применяя к ним различные принципы универсальной грамматики» [Хомский, 1999г. С. 192]. Заметим, что принципы универсальной грамматики, о которых говорит Хомский, тоже, по его мнению, словесны: «Человек, которые усвоил знание языка, хранит в себе систему правил, соотносящих особым образом звук и значение. Лингвист, строящий грамматику языка, фактически предлагает некоторую гипотезу относительно этой заложенной в человеке системы» [Хомский, 1999в. С. 37].

В том же предметно-словесном смысле Хомский говорит, например, что для синтаксиса всех языков мира определяющим является принцип структурной зависимости, в соответствии с которым важен не линейный порядок слов в предложении, а отношения между словами и операции, устанавливающие эти отношения – операции «движения», или перемещения (*movement*). В каждом типе сочетания слов выявляется своя вершина (*head*), причем позиция вершины относительно сочетающегося с ним компонента (справа или слева) характеризует в языке все типы конструкций одинаково. Имя относительно именной фразы или глагол относительно глагольной помещаются либо вправо, либо влево от сопровождающих их единиц, благодаря чему каждый язык оказывается либо право-, либо левовершинным (ср., например, англ. *in the bank* «в банке», где вершина – предлог, а весь язык – левовершинный в отличие от японского; ср. также *read a book* «читать книгу») [Хомский, 1999г. С. 198].

Другими словами, речь идет о все тех же предметных элементах, которые строят механизм языка сами собой, вне субъекта с его разумной способностью (и даже без традиционной «семантики»). Эти структурные элементы представлены в учении Хомского так называемыми непосредственно составляющими и трансформационными правилами, каждое из которых имеет непосредственную словесную представленность. Так, при построении дерева порождения предложения по непосредственно составляющим каждое предметное слово или морфема заранее известного предложения (а его границы Хомский не покидал) получают структурную глубину, будучи сами интерпретированы как структурная поверхность. Но «глубина» просматривается через поверхность с предельной точностью – через конкретные слова и их части, как, например, «глубинное» прошедшее время будет видно на «поверхности» благодаря «Aux» – вспомогательному компоненту (т. е. попросту благодаря, например, уже «фонологическому» -ed), «глубинная» именная группа (NP) будет видна на поверхности благодаря имени (попросту благодаря какому-то конкретному «фонологическому» существительному), глагольная группа (VP) – благодаря глаголу с зависимыми словами, а все «глубинное» предложение будет видно на поверхности благодаря всем словам, его образующим. В этом и состоит предметный принцип, суть которого заключается в уверенности, что все аспекты выражаемого значения можно отыскать в формальных чертах материала, т. е. найти прямую корреляцию «знак – значение».

Более того, предметная форма признается настолько всеобъемлющей, что о смысле можно вовсе не говорить, а вместо этого исследовать только сам предметный механизм: «Всякие поиски определения грамматической правильности, основанного на семантике, останутся тщетными»; «Мы вынуждены сделать вывод, что грамматика автономна и независима от значения» [Хомский, 1999б. С. 30, 32].

В результате новую «генеративную» жизнь получают все прежние античные по происхождению категории, которые признаются приуроченными к словам и их частям и, более того, – содержащимися в словах и их частях, изображенными в виде дерева порождения, построение которого

весьма похоже на школьный «разбор по составу»: «Чтобы определить трансформацию точно, необходимо описать разложение цепочек, к которым они применяется, и те структурные изменения, которые вызывает трансформация в цепочках. Так, пассивная трансформация применяется к цепочкам вида NP–Aux–V–NP и вызывает обмен местами двух именных групп, добавление *by* перед последней именной группой и прибавление *be+en* (т. е. глагола *be* в форме пассивного причастия. – *A. B.*) к Aux (вспомогательному компоненту глагола. – *A. B.*)» [Хомский, 1999в. С. 79].

Заметим, что в том же смысле генеративную модель реализует всякий современный и древний исследователь, который, например, утверждает, что «предложение состоит из подлежащего и сказуемого, каждое из которых имеет зависимые слова» (как $S > NP + VP$ у Хомского), или что, например, при образовании пассивного предложения подлежащее соответствующего активного предложения становится в творительном падеже, а то, что было в винительном – ставится в именительном (наподобие приведенного суждения Хомского, только уже применительно к русскому языку). Вполне очевидно, что вводимые Хомским «трансформации» (а все они именно такого свойства) представляют собой правила английского словоупотребления и традиционной английской грамматики, переписанные новыми условными обозначениями, с изъятием сложных случаев и с общим стремлением к простоте и «ядерности». «Мы можем сильно упростить описание английского языка и сделать новый и важный шаг к проникновению в его формальную структуру, если ограничим область прямого описания (в терминах анализа по непосредственным составляющим) ядром основных предложений (простых, повествовательных, активных предложений без сложных глагольных или именных групп) и будем выводиться все остальные предложения из предложений ядра (точнее, из цепочек, лежащих в их основе) посредством трансформаций, возможно, повторных» [Хомский, 1999г. С. 40].

Как видно, в трансформациях действуют прежние «существительные», «глаголы», «прилагательные», «артикли», «словообразовательные аффиксы», «показатели модальности», «порядок слов» и пр. Априорность введения этих понятий следует, по-

видимому, из уверенности, что именно они присущи языковому материалу как его аутентичные свойства. При этом относительность этих категорий, изначально коммуникативная (или дектико-синтаксическая) причина их конституирования не попадают в сферу внимания Хомского: по его мысли, для того, чтобы участвовать в трансформациях, слова уже должны обладать полным набором собственных свойств. Слова, обладающие собственными свойствами, укладываются в трансформации благодаря синтаксическим закономерностям, которые в конечном своем виде восходят к свойствам самих слов. Иначе говоря, грамматика не выводится из материала, а сама порождает материал (заметим, что именно такая «порожденная» грамматика в области синтаксиса существовала со времени античных языковых исследований).

Такой *самопорождающий* детерминизм формирует и соответствующее отношение генеративной теории к отдельно взятому слову. Здесь Хомский, несмотря на видимое невнимание, обнаруживает не меньшую привязанность к самозначащей лексеме, чем любой из его древних и новых предшественников. Так, в акте создания предложения самостоятельные свойства лексических единиц проецируются в синтаксис *из имеющегося словаря* (правила заполнения определенных позиций такими единицами называются «проекционными»). Иначе говоря, синтаксическая структура – базовый компонент – интерпретируется семантическим компонентом, носителем которого являются слова (все «терминальные» символы лексикализуются в соответствии с сочетаемостными ограничениями, хранящимися в словарных статьях лексикона). В этом смысле лексический компонент является столь же «базовым», как и синтаксический, поскольку он тоже изначально дан говорящему. Реализуется, таким образом, традиционный подход к слову как носителю набора валентностей, которые сами строят предложения по заложенным в них правилам сочетания, несмотря на декларируемое первенство синтаксиса.

При этом, как видно, в трактовке значения отдельного слова Хомский обнаруживает двойственность, граничащую с внутренней противоречивостью: чтобы осуществить конечный переход от глубинной структуры к фонологической, необходимы строгие ог-

раничения, хранящиеся в лексемах. Уровень конкретных лексем назван семантическим. При этом, как заявляет Хомский, семантика для грамматики не нужна, несмотря на то, что, как видно, она-то и строит конечные структуры, возникновение («порождение») которых берется объяснить генеративная теория. Так нужна ли генеративной грамматике семантика (содержащаяся, по мнению Хомского, в лексемах) или не нужна?

Как видно, главная причина этих попыток констатировать приоритет грамматического синтаксиса и для этого понизить в статусе семантику состоит в том, что и семантика и синтаксис видятся Хомскому традиционно, т. е. им приписываются невозможные для них свойства. Грамматика Хомского оказывается возможной только вне значения, поскольку слова занимают соответствующие позиции в предметных схемах, а говорящий только подставляет словесные элементы в модульную структуру. Противоречия статусов («что главнее?») возникают вследствие традиционной трактовки значения – приписываемого лексеме и столь же античного понимания предложения как самостоятельной синтаксической единицы. В действительности ни то, ни другое не самостоятельно вне актуального коммуникативного действия, которое и определяет (в сознании говорящего) все смыслы и все структуры. Поэтому античный синтаксис, т. е. самоорганизация самостоятельных слов, обнаруживает здесь свою недостаточность и неэффективность в моделировании речемыслительной реальности. Видно, что синтаксис может строиться как невербальный принцип управления материалом, т. е. синтаксис мыслимой ситуации действия, или дектический синтаксис.

Процесс построения предложения Хомский пытается представить как последовательное срабатывание *правил употребления слов*, или *трансформационных и фонологических правил*, о которых субъект, говорящий на родном языке, в действительности вовсе не помышляет и поэтому постоянно нарушает то, что констатирует исследователь (заметим, что в действительности пренебрежение «правилами» имеет место потому, что реальный говорящий не знает язык как механизм, но знает типологию действий в известных ему коммуникативных ситуациях; мотив вербально действующего коммуниканта – добиться цели, ради

которой он строит вербальные элементы, которые, в свою очередь, интересуют его не как части какой-то никому не ведомой обязательной вербальной системы, а как элементы необходимого ему действия в данной мыслимой ситуации; какими бы ни были слова, они не важны сами по себе, если достигается цель). Так, например, в результате такого подхода формулируется одна из принципиальных позиций Хомского, состоящая в том, что определенные предложения сказать можно, другие же предложения сказать нельзя (эту принципиальную позицию исследователь сам же опровергает тем, что *говорит* предложения, о которых прежде заметил, что сказать их невозможно, т. е. подбирает для «невозможных» предложений актуальные ситуации, в которых эти предложения становятся элементом необходимого коммуниканту действия и соответственно оказываются «возможными»).

Правила механизма порождения – это и есть то, что действует в языке, с точки зрения Хомского: «Мы рассматриваем грамматику как систему, имеющую трехчастное строение. Грамматика включает ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих, и ряд морфофонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем. В качестве связующего звена имеется ряд трансформационных правил, переводящих цепочки структуры непосредственно составляющих в цепочки, к которым приложимы морфофонемные правила» [Хомский, 1999б. С. 130].

Вследствие признаваемого словесного детерминизма и детерминизма самого механизма порождения грамматика Хомского представляется в той же мере *самопорождающей*, в какой она представлялась исследователям со времен античности. Так, в «Синтаксических структурах» говорящий не играет вообще никакой сколько-нибудь заметной роли. Вместо него только сами структуры наделяются генеративной функцией, соответственно речь идет о все том же механизме языка, который работает сам по себе, однако неизвестно почему и неизвестно для чего, например: «Т_A является трансформацией утверждения, которая создает утвердительные предложения John arrives, John can arrive, John has arrived».

В более поздних работах исследователя эта позиция осталась неизменной: «Обна-

ружение пустых категорий и принципов, которые управляют ими и определяют природу ментальных представлений и вычислений вообще, можно сравнить с открытием в естественных науках волн, частиц, генов, валентности и т. п., а также принципов, которым они подчиняются. То же относится и к принципам фразовой структуры, теории связывания и других модулей универсальной грамматики. Мы впервые можем глубже заглянуть в скрытую природу сознания и понять, как оно работает, хотя эти вопросы обсуждались уже тысячелетия, причем зачастую интенсивно и продуктивно» [Хомский, 1999г. С. 192].

В чем заключается в такой ситуации творчество говорящих (которое Хомский постоянно упоминает) – совершенно неясно, поскольку все, что ими говорится, – порождается единичными трансформационными и фонологическими правилами. В действительности реализовать концепцию свободы, которой наделен говорящий и которую Хомский отчетливо видит, в рамках генеративной грамматики так и не удалось, поскольку этому препятствуют античный инструментарий и прежние принципиальные позиции о языке как словесной (детерминированной словами) системе, обеспечивающей понимание. Так, в лекциях «Язык и проблемы знания» Хомский сначала ставит эту центральную для него (и вообще для языкознания) проблему: «Проблема заключается в том, что “машина” вынуждена действовать строго определенным образом при заданных условиях и фиксированном расположении частей, в то время как человек при таких же обстоятельствах только «склонен и расположен» действовать согласно этой модели. Часто люди поступают в соответствии с этой склонностью, но каждый из нас осознает из самонаблюдения, что у нас есть выбор из некоторого числа вариантов. Мы можем также экспериментально установить, что то же самое верно и для других людей. Различие между быть вынужденным и просто быть склонным имеет принципиальное значение – абсолютно логично заключили картезианцы. Более того, оно не теряет своей значимости, даже если не выражено поверхностно в реальном поведении. В противном случае можно было бы дать непротиворечивое описание человеческого поведения в механистических терминах, но оно неверно бы характеризовало существенные

свойства человека и потенции его поведения» [Хомский, 1999г. С. 229].

Далее устанавливается связь между свободой и разумом (действие последнего и есть свобода).

Затем, переходя к вопросам свободы уже применительно к языку, Хомский устанавливает преемственность между традиционной («универсальной и философской») грамматикой и своей, генеративной, которые едины в том, что исследуют язык как «зеркало ума»: «Исследования в русле универсальной философской грамматики состояли в поиске общих принципов языка. Последние считались по сути не отличающимися от общих принципов мышления (язык – “зеркало ума”, как принято говорить). По ряду причин, имевших как положительные, так и отрицательные следствия, эти исследования были забыты и отвергнуты на целый век, а затем возродились снова, независимо, в 60-х годах нашего столетия, хотя и в другом обличии и вне связи с идеями дуалистов (т. е. в генеративной грамматике. – А. В.)» [Там же. С. 231].

Кроме того, указывается на неудовлетворительность картезианского объяснения того, что составляет творческий аспект языка: «Существенная разница между концепциями Декарта и Ньютона заключалась в том, что последний предложил подлинную объяснительную теорию поведения тел, в то время как теория картезианцев давала неудовлетворительное объяснение свойств, подобных творческому аспекту использования языка, которое, с точки зрения Декарта, не подчинялось законам механики» [Там же. С. 234].

Какой же ответ на эти вопросы дает Хомский, признавший, с одной стороны, свободу говорящего, с другой – исповедующий принципы «языкового детерминизма»? Этот ответ прямо следует из развиваемого Хомским учения, которое, в свою очередь, стоит на предметных («материальных») основаниях и в действительности, несмотря на все декларации, не предполагает настоящей творческой свободы говорящего: «Мы полагаем, что люди принадлежат миру природы. Они, очевидно, обладают способностями, необходимыми для решения определенных проблем. Из этого следует, что у них нет способностей для решения других проблем, которые либо слишком сложны для них ввиду ограничений, нала-

гаемых временем, объемом памяти и т. п., либо в принципе находятся за пределами их потенциальных возможностей...

В случае языка языковая способность – физический механизм в смысле, уже объясненном выше, – имеет некоторые определенные свойства и не имеет других. Задача универсальной грамматики как раз и состоит в том, чтобы сформулировать и описать эти свойства. Именно они позволяют человеческому разуму усваивать язык особого типа с порою в высшей степени странными и удивительными чертами» [Там же. С. 236].

Другими словами, «языковой механизм», работающий в говорящем, и есть, по мнению Хомского, его творческая способность: «В случае языка существует особая способность, являющаяся одним из основных элементов человеческого разума. Она действует почти мгновенно, predeterminedным способом, бессознательно и вне границ сознательного контроля, причем одинаково у всех представителей данного вида, образуя в результате богатую и сложную систему знаний – конкретный язык» [Там же. С. 242].

Как видно, исследователю пришлось по сути отказаться от способности к творчеству как свободному акту. В этом смысле иллюстративно то, что Хомский вслед за тем сравнивает языковую способность со зрительной, акцентируя аспект механистичности обеих (заметим, что человеческое зрение нельзя признать простым механизмом, ввиду постоянно действующего «когнитивного компонента», вне действия которого работа глаза не может быть названа «видением»). В результате говорящий предстает в виде той самой «машины», от которой Хомский попытался его отличить в ходе своего рассуждения. Эта теоретическая неудача, как видно, спровоцирована последовательной реализацией принципов, не подвергнутых критической рефлексии в начале пути и приведших к закономерному результату. В этом смысле выводы о свободе говорящего были бы для Хомского совершенно нелогичны, не соотнесены с методологическими посылками всего генеративного направления. Но в действительности, делая вывод о механистичности, исследователь остался при своей логике, соотнеся отдаленные начало и конец рассуждения: если говорящие понимают друг друга, то это было бы не-

возможно вне единой системы, значит, единая система, известная всем, есть, и это «язык»; говорящие говорят и понимают друг друга словами, значит, «язык» состоит из слов, они-то и образуют систему; если языком мы выражаем мысли и если в словах проявляется система языка, значит, нужно найти корреляцию слов (языка) с мыслительными процессами говорящего («язык – зеркало мышления»), и по мере установления этой корреляции исследователю будут доступны процессы мышления. Таким образом, открывается путь к созданию словесно ориентированных порождающих схем, которые действуют единообразно во всех носителях словесного «языка», как универсального, так и конкретного. Среди этих предметных детерминированных механизмов творческой способности говорящего действительно не находится места. В результате все, что может сказать говорящий, уже есть в «языке». Зачем же он тогда вообще говорит? Если его уже детерминировала система, т. е. если все уже заранее определено, то говорящему остается только постоянно демонстрировать знание автоматизированных правил. Но зачем? Чтобы в очередной раз убедиться в бесполезности любой правильной речевой формулы? Неужели творчество состоит в бессмысленной игре?

Действительно, противоречие между языком как системой и говорящим, действующим свободно, невозможно разрешить, сохраняя оба члена оппозиции. Приходится исключить либо предметный «язык» (которого один носитель никогда не знает идентично другому), либо говорящего с его вполне очевидной свободой. Хомский выбирает собственную систему построения правильных предложений, вместо личного свободного действия коммуниканта, оставаясь, таким образом, в рамках прежних схем. Этот подход никогда не давал исследователю ступить на почву речемыслительной реальности, которая, заметим, состоит в том, что словесные структуры не порождаются и не интерпретируются сами по себе. Они всегда интегрированы в целостные ситуации действий, в которых говорящий действительно проявляет себя всякий раз заново и творчески, поскольку совершает эти действия автономно от (не известных ему) объективных систем, избирая наилучший способ достижения своих целей и решая свои зада-

чи. Другими словами, творчество в действительности состоит в выборе наилучшего способа действия и в самом действии – фиксации внимания собеседника на соответствующих избранных объектах, построении связей между объектами и явлениями, организации схем взаимодействия объектов и явлений и пр.

И все же, несмотря на структурные (т. е. предметные, упрощающие реальность) основания своей теории, Хомский, как уже было сказано, продвинулся на несколько шагов в сторону субъектного понимания лингвистического материала. Это движение можно констатировать по двум направлениям: во-первых, во введении понятия «глубины» словесной структуры, т. е. в переключении внимания с поверхности на ту область, которая находится за видимыми знаками (хотя они жестко коррелируют с предметными знаками); во-вторых, в том, что синтаксис (хотя и понимаемый традиционно, т. е. как организация целостного словесного предложения) трудами Хомского вырос в значении по отношению к словоизолирующей семантике. Последовательное движение в первом направлении в конце концов локализует «глубину» в целеположенных сознательных процессах говорящего и, соответственно, ведет к субъекту, свободному в осмыслении ситуации и в совершении языковых действий, свободному от системного детерминирования вербальной системой (соответственно, к отказу от абстракции «язык»). Второе направление неясно и весьма опосредовано указывало на синтаксис мыслимой коммуникативной ситуации как источник смыслообразования в вербальных структурах. Так, введенные Хомским понятия трансформаций в действительности осуществили первоначальный компромисс между старым и заново возникающим пониманием смыслообразования: трансформациям подвергается нечто, не имеющее первоначально видимой языковой формы (т. е. коммуникативное понимание), однако это «нечто» слишком точно соответствует конкретным словам конкретных языков (т. е. традиционное понимание). Если все же сделать еще один шаг и определить «глубинные структуры» как всецело невербальный синтаксис, который не имеет отношения к словам (чего Хомский в действительности не предпринимал), только тогда теория обретает эффективный способ кон-

цептуализации подлинных «языковых универсалий» – мыслимых действий в коммуникативном пространстве, осуществляемых на «разных языках» и соотносимых между собой по мере совпадения невербального содержания этих действий. Как видно, предметность понимания языкового факта, на которой выстроена античная теория языка, не может служить основанием для описания реального речевого процесса ввиду несамостоятельности любого предметного элемента речи, взятого обособленно от коммуникативного действия. Эта несамостоятельность следует из того, что значение вербальной структуры определяется не как платоновское соответствие слова и идеи вещи, а как *действие в мыслимом коммуникативном пространстве*, производимое говорящим в любом актуальном коммуникативном процессе (письменном или устном).

Другими словами, в указанных направлениях теория обрела возможность достигнуть подлинных языковых универса-

лий – типологии невербального, т. е. типологии действий в коммуникативном пространстве. Однако ни мыслимого коммуникативного пространства, ни свободного говорящего, ни отсутствия предметного «языка», ни оторванности смысла от слова Хомский, стоя на античных предметных основаниях, не смог себе позволить.

Список литературы

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Пер. В. А. Звегинцева. Благовещенск, 1999а.

Хомский Н. Синтаксические структуры / Пер. К. И. Бабицкого. Благовещенск, 1999б.

Хомский Н. Язык и мышление / Пер. Б. Ю. Городецкого. Благовещенск, 1999в.

Хомский Н. Язык и проблемы знания / Пер. И. М. Кобозевой, Н. Исакадзе, А. А. Арефьева. Благовещенск, 1999г.

Материал поступил в редколлегию 18.12.2010

A. V. Vdovichenko

GENETIC FEATURES OF N. CHOMSKY'S GENERATIVE GRAMMAR: A COMMUNICATIVE VIEW HALF A CENTURY LATER

In the article the author regards some features of N. Chomsky's generative grammar which demonstrates a number of signs pointing out the antique model of describing verbal facts. The common ground is the spontaneous recognition of the direct correlation «sign-value» that leads to the shaping of the objective system of words as a tool for «expressing thoughts». Chomsky drew attention to cognitive «depth» of a verbal fact, as well as regarding syntax as a source of senseformation. However, his «depth» did not become a personal cognitive process, or his syntax a personal parameter-setting in the communicative area. The communicative model proposed instead of the antique one, presupposes that a natural verbal phenomenon is a communicative action, and accordingly, it rejects the identity of objective units of various levels taken out of personally conceivable verbal action.

Keywords: model of describing natural verbal facts, generative linguistics by N. Chomsky, objective description, direct correlation «sign-value», personal parameter-setting of communication.